

мый тост: «Сохранить и сохраниться». И когда сегодня старая застойная компания — ох, как редко — собирается на посиделки и, захватив коллективным глазом экран телевизора, мрачно комментирует, закусывая происходящее легким перестроечным салатом, — нет-нет да вспомнят мои товарищи тост времен безбрежневщины.

Итак, мы вступаем, как сейчас говорят, в рынок. Это напоминает сводки «От Советского информбюро» о том, что наши войска вошли в город Н. Во всяком случае в голосах дикторов та же победоносная торжественность, хотя, на мой взгляд, радость несколько преждевременна. Как бы в эйфории девственных рыночных отношений не пустить с молотка те старые ценности, которые нас спасали в самые мрачные годы. Как бы не рвануть в стихию рынка с отважным, как это у нас принято, безрассудством. Не предрекаю золотую лихорадку, но в том, что многих неискушенных залихорадит, забьет в рыночном ознобе и, не исключено, свалит с ног, — уверена. Нам предстоит пережить еще одно испытание свободой — начинающимся капитализмом на базе увядающего социализма. Путь, прямо скажем, размытый, раскардаченный, похожий на дорогу где-нибудь в Курской области после недели дождей.

Сохранить

и

сохраниться

Как же опять — сохранить и сохраниться? Пожалуй, единственная свобода, которая у нас была, — это спокойная независимость от материальных ценностей. Мы были нищими, но богатыми. И в этом одновременно и загадка, и разгадка той духовности, о которой так много говорят в странах свободного рынка.

...Как всегда, куда-то бегу и вдруг цепляюсь взглядом за телеэкран и надолго, в пальто и в сапогах, останавливаюсь, не в силах оторваться. Театральный критик Виталий Вульф рассказывает о любимой актрисе Марии Ивановне Бабановой, которую знал и с которой, по-видимому, дружил. Снова, как уж много раз, слышу о таланте, как его недолюбили, недооценили, не сохранили... У нас с этим «недо» все в порядке. Но вот впервые слышу то, о чем сама не раз думала: ушла из Москвы, из московских домов жизнь, которая в ней существовала, несмотря и вопреки. Москва театральная — это не только театры и прежде всего не театры — это театральные люди, это зрители-читатели, бесконечные потребители духовной энергии, которая согревала и насыщала их, делала жизнь значительней тогда, когда, казалось, жить вообще было нельзя.

Папу забрали в сорок девятом (его старшего брата в тридцать седьмом, среднего в сороковом). Но хорошо помню, что в последний вечер перед арестом они с мамой были в театре и проговорили за чаем до того самого момента, когда ночью за ним пришли. Мы жили в коммуналке и, как сейчас понимаю, очень бедно, но я не помню (никогда, поверьте) разговоров о деньгах. Нам вечно ни на что не хватало, но на ЭТО, говорил папа, имея в виду очередной поход в театр или консерваторию, будет всегда.

Время, скажут мне, другое. Не знаю, какое сейчас время — потомки разберутся, но бесконечно трагично — и это замечательно тонко было выражено в передаче, — необратимость наших духовных потерь не в смысле глобальных ценностей, а тех, что жили под крышами на Покровке, и на Арбате, и в Харитоньевских переулках...

Каким же давно забытым, устойчивым повеяло на меня с экрана фильма «Ребро Адама» режиссера Вячеслава Кристофовича и драматурга Владимира Кунина, где по сюжету, по судьбам как бы все неустойчиво, все зыбко... Прикована к постели старуха мать — недвижный деспот, перед которым три женщины, порой ненавидя, но достойно несут свой долг (нетрудно понять, что это такое — годами лежа-

щей больной). У самой же героини типичная жизнь московской и одинокой интеллигентной женщины — сама не устроена, дочери, точно генетически, повторяют ее судьбу. Так что радостей мало, точнее, нет радостей. Но, боже мой, как хочется задержаться в этом нищем доме, реставрированном из прошлого режиссером Кристофовичем и актрисой Инной Чуриковой. В этой беспробудной жизни есть просвет — он в ее героине. В ее мягкой московской интеллигентности, в изначальной порядочности, в неумелом обращении с деньгами — их очень трудно заработать и так прекрасно легко потратить. Просвет — в ее запасах доброты и прощения — к бывшим мужьям, к деспоту-матери, к ушибленным изменами дочкам. Она и ходит по слякоти жизни, как когда-то ходила в чеховском «Иванове» чуриковская Сарра, чуть прикасаясь к земле, точно вот-вот оторвется. Жизнь в фильме наша, советская, но точка отсчета другая — чеховская.

Эти три женщины, как когда-то чеховские три сестры, все еще верят, что увидят небо в алмазах. Только сегодняшние об этом не говорят. Но — чувствуем — верят. Как же хорошо хотя бы полтора часа побыть вместе с ними, чтобы «сохранить и сохраниться».

Алла ГЕРБЕР.

ВЗГЛЯД ВОВНУТРЬ

ВОНЧАЕТСЯ революционный ноябрь — что будет с нами в декабре... И хотя Президент призывает прессу перестать разводить панику, никуда нам не деться от ощущения, что живем на льдине во время гигантского ледохода. Что вокруг все трещит, разваливается на маленькие куски-кусочки, и то, что еще вчера держало, сегодня уходит из-под ног.

В расцвет застоя был у меня люби-

32